

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Благодарности</i>	7
<i>Введение</i>	11

Часть I. Коронация

<i>Глава 1. «Я... буду соблюдать Конституционную хартию»: польский вопрос в начале царствования Николая I</i>	28
1.1. Страх	28
1.2. «Любезный брат» Константин	46
1.3. Мучительная переписка	60
1.4. «Магический талисман» против Орленка	72
<i>Глава 2. «Я испытываю отвращение»: на пути к коронации</i>	86
2.1. Дискуссия о проведении коронации: эмоции и прагматика	86
2.2. Выбор регалий	108
2.3. От Петербурга до Варшавы: императорский кортеж на пути в Царство Польское	119
<i>Глава 3. «Разрешено закрыть занавесками окна»: проведение коронации.</i>	137
3.1. Церемония коронации	137
3.2. Между православием и католичеством	155
<i>Глава 4. Бог/Дьявол в деталях: описания и языки коронации</i>	163
4.1. Для внешнего и внутреннего пользования: манифесты и описания	163
4.2. Достойные предшественники нового польского короля	179
4.3. Барон Штрамвер и «хорошая Ядвига»: польский коронационный нарратив	197
<i>Глава 5. «Я не мог избавиться от болезненного и даже унижительного ощущения...»: итоги коронации</i>	214
5.1. Результаты и оценки коронации	214
5.2. Эмоциональные нарративы: «долг» и «благодарность»	222
5.3. Путь домой: Варшава–Киев–Петербург	234
5.4. Через год: Николай I на польском сейме 1830 г.	246

Часть II. «Мы не напомним ныне им»: забвение как политическая стратегия

<i>Глава 6. Забыть 1812 г.: Александр I и создание новой политической стратегии</i>	258
6.1. «Нечаянно пригретый славой»: Александр I в 1812 г.	258
6.2. «Для меня наибольшее наслаждение — платить за зло добром»: российский император и его новые подданные	275
<i>Глава 7. Деньги, слова и символы</i>	301
7.1. Польский проект Александра I: финансовый аспект	301
7.2. «Смирение... загладит вину»: александровская версия памяти о 1812 г. и политическая прагматика	319
<i>Глава 8. Наследие Александра I: покоренные покоренными</i>	337
8.1. Братство народов, или Храбрец как брат	337
8.2. Красота в глазах смотрящего: нарратив любви	362
8.3. Политическая субъектность: Польша в российской политической риторике и императорском титуле	381
<i>Глава 9. Забыть Смутное время: пространство николаевской коронации и память о русско-польской войне начала XVII в.</i>	404
9.1. Варшавская ось триумфа над Москвой	404
9.2. Борьба за память о Смуте: от первых Романовых до Екатерины II	414
9.3. Общественное восприятие Смутного времени в России первой трети XIX в. и варшавская коронация 1829 г.	425
<i>Глава 10. «Я найду средство... простить»: 1830–1831 гг.</i>	441
10.1. «Еще не поздно изгладить минувшее!»: Николай I и начало Польского восстания	441
10.2. Восстание: логика мира против логики войны	460
10.3. «Все были вне себя от радости», или «Без торжества, без музыки, знамена в чехлах...»	476
<i>Заключение</i>	487
<i>Приложение I. Коронационные торжества в Варшаве, апрель–июль 1829 г. Хроника</i>	491
<i>Приложение II. О коронации Его Императорского Величества</i>	494
<i>Приложение III. Манифест Александра I о создании Царства Польского, 13 (25) мая 1815 г.</i>	502
<i>Приложение IV. Речи Александра I и Николая I в Царстве Польском</i>	506
<i>Библиография</i>	526
<i>Указатель имен</i>	551

БЛАГОДАРНОСТИ

Появление этой книги стало возможным благодаря помощи самых разных людей и институций, поэтому для меня важно выразить глубокую и искреннюю признательность друзьям и коллегам, сопровождавшим меня на пути к этой цели.

Я искренне благодарна тем, кто содействовал мне в поиске источников, сохранившихся в архивах, библиотеках и музеях Москвы, Петербурга, Смоленска, Пскова, Варшавы, Кракова, Парижа и Хельсинки, — Алексею Васильеву, Марии Долговой, Марии Ивановой, Федору Мелентьеву и Олегу Чистякову. Я хотела бы также упомянуть Диану Андрееву и Елену Говорину, помогавших мне с разбором разных текстов, и Полину Левину, которая перевела для Приложений к книге несколько речей Александра I и Николая I, адресованных польскому сейму. Я признательна польским коллегам Ежи Гутковскому и Збигневу Тухольскому, которые щедро поделились со мной своими материалами и архивными находками. Работа в Польше оказалась по-настоящему плодотворной и благодаря Эльжбете Ковальчик, много помогавшей мне, особенно в Музее Войска польского.

Особую признательность я хотела бы выразить моим помощницам в Москве и Варшаве — Наталии Бересневой и Агате Гач. Агата смогла найти для меня немало ценных материалов в архивах и библиотеках Варшавы, а Наталия приложила очень много усилий для того, чтобы текст книги обрел выверенный и литературно правильный вид.

Многие соображения, изложенные в книге, возникли в результате дискуссии с коллегами, изучающими историю России периода Московского царства и Российской империи. Большое значение для выстраивания логики моих рассуждений имели обсуждения текущих выводов работы на семинарах в Университете Иллинойса в Чикаго, Индианском, Йельском, Варшавском

и Хельсинкском университетах, Германском историческом институте в Москве, Высшей школе экономики и Институте славяноведения РАН. Я хочу выразить признательность всем, кто принимал участие в этих дискуссиях, особенно Сергею Антонову, Еве Берар, Эдите Бояновской, Хенрику Глембоцкому, Ольге Каштановой, Падрику Кенни, Никосу Криссидису, Владиславу Ржеуцкому, Татьяне Сабуровой, Денису Сдвижкову, Екатерине Скворцовой, Барбаре Скиннер, Кили Стаутер-Холстед, Наталье Филатовой и Ольге Хавановой. Я также благодарна за ценные замечания Полу Верту и Вилларду Сандерленду, которые прочли и обсудили со мной отдельные главы книги.

Я бы хотела поблагодарить Марину Могильнер и Илью Герасимова, много помогавших мне во время моего пребывания в Чикаго в 2017–2018 гг. Комментарии Марины и Ильи и возможность представить самый первый драфт работы на семинаре в Университете Иллинойса в Чикаго, без сомнения, стали для меня поворотным моментом в понимании того, как именно следует развивать проект книги.

С большой признательностью я вспоминаю разговоры с Иеронимом Гралей, обратившим мое внимание на символическую составляющую пространства Варшавы и значение, которое имела для Польши присяга, принесенная царем Василием Шуйским Сигизмунду III. Это заставило меня сформулировать новый круг вопросов, вернуться к своим источникам и рассмотреть позицию российских императоров в отношении формирования в Царстве Польском альтернативной (по отношению к русской) памяти о событиях начала XVII, а равным образом и начала XIX в.

Благодарю за советы моих рецензентов Ричарда Уортмана и Пола Бушковича. Я была очень рада, когда Ричард и Пол согласились прочесть только что написанную книгу и высказать свои соображения. Эти отзывы дали мне возможность уточнить некоторые аспекты и позиции и, главное, позволили обрести уверенность в состоятельности итогового результата многолетней работы. Обсуждение текста с Ричардом и Полом стало для меня и глубоко личным переживанием — ведь эта книга была во многом вдохновлена «Сценариями власти» Ричарда Уортмана, которого я считаю своим учителем и другом, а книги Пола

Бушковича я всегда полагала примером эталонной исследовательской работы.

Названием этой книги я обязана Дженнике Бейнс из «Индиана Университи Пресс». Во время обсуждения проспекта будущей книги Дженника предложила мне использовать яркий и одновременно очень точный заголовок — «Последний польский король». «Попадание» было настолько точным, что другие варианты заголовка я больше не рассматривала.

Для меня также очень важно выразить признательность Фонду Михаила Прохорова, Центру польско-российского диалога и согласия и Программе «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“», без поддержки которых я не смогла бы провести широкие архивные разыскания и представить результаты своей работы на самых разных международных площадках.

И, наконец, я хотела бы поблагодарить Ирину Прохорову, ставшую одним из моих первых читателей и одоблившую публикацию книги в издательстве «Новое литературное обозрение». Издать свою работу в серии «Historia Rossica» было моей давней мечтой.

Эта книга была бы невозможна без интеллектуального участия и душевной щедрости моего мужа Сергея Пантеева, который прошел со мной весь путь от появления первого замысла до публикации итогового текста работы. Его потрясающие яркие и глубокие идеи, острые критические замечания и упорное стремление к успеху давали мне возможность для развития и силы идти вперед. Без поддержки Сергея моя жизнь и научная карьера были бы совершенно иными. Ему я посвящаю эту книгу.

Моему мужу Сергею Пантееву

ВВЕДЕНИЕ

В мае 1830 г. Адриан Моисеевич Грибовский, некогда статс-секретарь императрицы Екатерины Великой, человек, давно отошедший от дел и политики, занимавшийся тяжбами и предававшийся воспоминаниям о днях минувших, записал в своем дневнике: «В газетах напечатана речь Царя Польского представителям того царства, при открытии заседаний сейма. Странно видеть Государя самодержавного, обладающего 50-ю миллионами народов на третьей части полушария, говорящего конституционным языком и представляющего власть свою ограниченною перед горстью народа, всегда России враждебного, в то время, когда в сей последней указ, не только им подписанный, но от его имени объявленный, решает, без малейших обрядов и форм, жизнь и участь, и высших, и низших сословий, и где за малейшее против правления замечание со стороны частного человека может он ужасно пострадать»¹.

Адриан Моисеевич жил в Москве, которая всего 18 лет назад была сожжена войсками Наполеона, в составе которых было более сотни тысяч поляков². Бывший статс-секретарь не мог постичь сути произошедшего: зачем Николаю I потребовалось выступать на открытии польского сейма, зачем всевластный российский император умалял свое достоинство перед, в формулировке Грибовского, всегдашними врагами. Ведь каждое Рождество было днем победы в войне против наполеоновского

¹ [Грибовский А. М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой // Русский архив. 1899. Кн. 1. С. 97.

² Попов А. И. Иностранцы контингенты Великой армии // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Под ред. В. М. Безотосного, А. А. Васильева и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 306; Неуважный А., Васильев А. Польские войска // Там же. С. 580.

нашествия, а на Красной площади уже больше десятилетия стоял памятник Минину и Пожарскому. Он не мог уразуметь, почему Николай I полагает правильным говорить «конституционным языком» с поляками, тогда как для остальной России главным средством в его арсенале был произвол. Екатерининский вельможа не мог взять в толк суть происходящего или, что также вероятно, не решался высказать свое мнение — в конце концов, свои дневники он вел не только «для себя и своих». В любом случае он четко зафиксировал противоречие между Николаем — Самодержавным Государем и Николаем — Царем Польским и нашел для объяснения этого явления емкое, а главное, безопасное слово — «странно».

Если использовать формулировку Грибовского, «странности» николаевской политики в связи с Польшей не ограничивались «конституционными» речами на сейме. Вопреки укоренившемуся в исторической памяти — как польской, так и российской — представлению о том, что череду королей в истории Польши завершил Станислав Августовский Понятовский¹, последним коронованным польским королем был именно Николай I. 12 (24) мая 1829 г. он выполнил положение 45-го параграфа Конституции, пожалованной Александром I Польше², и возложил на себя корону в Варшаве. Это произошло спустя три года после николаевской коронации в Успенском соборе Московского Кремля, состоявшейся 22 августа 1826 г. Варшавская коронация, во время которой император принял на себя титул польского короля, стала событием уникальным: ни до, ни после ни один из российских монархов не короновался как польский король, при этом повторная коронация шла вразрез с устоявшейся в России традицией.

Польская коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. относится к категории забытых исторических событий. В России ее перестали вспоминать почти сразу после проведения, а окончательно

¹ См., например: *Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. New York: Columbia University Press, 1987. P. IX.*

² Конституционная хартия Царства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830 / Отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 530.

«забыли» спустя всего полвека. В изданиях, посвященных церемониалу коронаций российских монархов в целом, или же в более поздних коронационных сборниках, часть объема которых отводилась под историческое обозрение, коронация Николая I в Варшаве никогда не упоминалась¹. Так, первый том двухтомного «Коронационного сборника» 1899 г., посвященного коронованию Николая II и Александры Федоровны, содержал пространное описание традиции самого обряда, но обошел своим вниманием этот исторический эпизод².

В исследовательской литературе вторая коронация Николая I оказывалась предметом рассмотрения (а чаще только упоминания) лишь на страницах биографий императора, в искусствоведческих обзорах и каталогах³. Отметим, впрочем, что церемония была известна российским полонистам⁴: именно им принадлежат две недавно опубликованные специальные статьи по этой

¹ Венчание русских государей на царство начиная с царя Михаила Федоровича до императора Александра III. СПб., 1883.

² Коронационный сборник / Под ред. В. С. Кривенко. СПб., 1899. Т. 2. Вторая николаевская коронация попала лишь в описание Пятницкого, изданное несколькими годами ранее и представляющее собой исключение из общего ряда подобных работ (*Пятницкий П. П.* Сказание о венчании русских царей и императоров. М., 1896. С. 49, 58–60).

³ *Высочков Л. В.* Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 263–265; *Шильдер Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб.: Издание Суворина, 1903. Т. 2. С. 212–224; *Фирсов С. Л.* Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету // Фирсов С. Л. «Якорь спасения». Православная церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории. СПб.: Изд-во СПбДА, 2021. С. 37–40; *Grunwald C. de.* Tsar Nicholas I. New York: The Macmillan company, 1955. P. 100–101; *Краевский А.* Польские короны Московского Кремля // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников семнадцатого colloquium (14–18 апреля 2009 г.). Государственный Эрмитаж. СПб., 2009. С. 61–65; *Кузнецова Л. К.* Петербургские ювелиры XIX — начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. М.: Центрполиграф, 2017. С. 103–105.

⁴ *Носов Б. В.* Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830 / Отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 272–273; *Фалькович С. М.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830) // Там же. С. 406–407; *Обушенкова Л. А.* Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М.: Наука, 1979. С. 70.

теме¹. В целом для широкой академической среды коронация осталась своего рода необычным сюжетом из биографии Николая I или примечательным эпизодом русско-польских отношений соответствующего периода. Чаще всего специалисты, изучающие имперскую Россию, о проведенном действе либо не знали, либо не придавали ему существенного значения. Показательно, что этот эпизод не попал в поле зрения крупнейшего современного исследователя политической символики в России Ричарда Уортмана, в работе которого о «сценариях власти» в Российской империи николаевскому «сценарию» посвящена отдельная глава². Последнее, между прочим, представляется совершенно оправданным. Как будет показано ниже, коронация в Варшаве была связана с логикой презентации власти Романовых в России весьма условно. В Польше коронация известна столь же мало. Посвященные ей статьи единичны и трактуют событие как очередную, хоть и причудливую форму политического давления на Польшу. При этом работают с материалом, как и в России, главным образом искусствоведы³.

Важно отметить, что в российской историографии в целом за положительную сторону отношений с Польшей «отвечает»

¹ В работах О.С. Каштановой и Н.М. Филатовой предпринята попытка реконструкции происходивших событий и анализа коронационных торжеств в Варшаве 1829 г. в рамках российской и польской культурных традиций (*Каштанова О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год) // Славяноведение. 2013. № 5. С. 37–48; Филатова Н.М. Варшавская коронация Николая 1829 г.: русский и польский взгляды // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / Отв. ред. О.В. Хаванова, М.В. Лескинен. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 63–80).*

² *Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 336–543.*

³ *Milewska W. Uczta dla ludu w Ujazdowie w 1828 roku — miejsce niedoszedłego zamachu na cara // Arma virumque cano. Profesorowi Zdzisławowi Żyglowskiemu jun. w osiemdziesięciolecie urodzin. Kraków, 2006. S. 182–183; Zawadzki W.H. A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 297; Getka-Kenig M. The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–1830). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion // Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie. 2013. Vol. 3. P. 388–402; Grzeluk I. Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku // Kronika Zamkowa. 2004. № 1–2/47–48. S. 73–81; Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie // Kronika Zamkowa. 1987. № 6 (14). S. 3–9.*

Александр I, Николаю же предписаны действия сугубо отрицательные — пренебрежение Конституционной хартией 1815 г., репрессии против поляков и, наконец, подавление Варшавского восстания 1830–1831 гг. В рамках польского академического дискурса Николай I жестко соотнесен с репрессиями и травматичным опытом или вовсе выброшен из исторического контекста в силу особенностей восприятия в Польше этого периода как своего рода «перерыва в истории»¹. Принято также говорить и о полуневротической, на грани невроза, полонофобии императора². В этом смысле Николай — император Всероссийский, возлагающий на себя корону Царства Польского, то есть в каком-то смысле пропольский Николай, — образ, который плохо уживается с традиционными трактовками как личности самого императора, так и его отношения к созданному Александром I Царству Польскому. Такой Николай оказывается фигурой совершенно непонятной, а значит, и сам контекст воспринимается как случайный и в целом малоактуальный.

Объяснение, почему событие такого уровня оказалось забытым, связано с последствиями коронации, которая, как я постараюсь показать, послужила толчком к детронизации Николая I в 1830 г. и восстанию 1830–1831 гг.

Однако, прежде чем говорить о коронации, необходимо дать комментарий относительно положения польских земель

¹ См. об этом: *Филатова Н. М.* «Перерыв в истории». Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в восприятии историков-современников // *Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда: Сборник статей.* М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 136–157. Появившаяся еще в императорские времена и заимствованная впоследствии советской литературой интерпретация 1825–1830 гг. как кризисного периода, связанного с нарушением конституции, репрессиями в отношении поляков и отказом от обещанного присоединения Литвы к Царству Польскому содержится в работах Ш. Аскенази. См.: *Аскенази Ш.* Царство Польское. 1815–1830 гг. М., 1915. С. 160.

² Полонофобию Николая I часто связывают с влиянием его няни — шотландки мисс Лайон, оказавшейся свидетелем восстания Костюшко и убийства русского гарнизона в Варшаве (1794 г.). См., например: *Корф М. А.* Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817) // *Сборник Русского исторического общества* (далее — *Сборник РИО*). 1896. Т. 98. С. 12–14. Разбор таких историографических оценок содержится в статье Е. Щербаковой (*Щербакова Е.* Нянюшкины сказки // *Родина.* 2013. № 3. С. 25–26).

в составе Российской империи. Как известно, в результате разделов Польши Австрией, Пруссией и Россией (1772, 1793, 1795 гг.) последней была аннексирована значительная территория на западных границах империи. В политическом отношении аннексия была оформлена созданием нескольких новых губерний, которые в ряде случаев формировались с включением земель, входивших в состав Российской империи до разделов Польши¹. Иными словами, участница разделов Польши императрица Екатерина II стремилась инкорпорировать польские земли в существующую структуру административного устройства и не планировала создание на западной границе какой-либо особой в политическом отношении структуры. На символическом уровне приращение империи было оформлено как возврат «исконно принадлежавших» России, но утерянных земель. Примечательна, однако, особенность, отмеченная в литературе: вхождение польских земель в состав Российской империи не сопровождалось устройением традиционного празднования. Если присоединение Причерноморья после Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. было ознаменовано масштабным, поразившим современников своим величием народным гуляньем на Ходынском поле в Москве, приобретение земель на западной границе империи не стало поводом к организации схожего мероприятия². Очевидно, что равному проявлению имперской радости по поводу присоединения турецких и польских земель препятствовали как факт получения территории на западной границе в результате политической манипуляции (а не победоносной войны), так и ориенталистская модель деления мира на неравные в цивилизационном отношении части (Запад и Восток; цивилизованный мир и пространство варварства). Если вхождение в состав империи территорий варварского Востока достаточно естественно осмыслялось в рамках цивилизаторской миссии России, то вопрос

¹ В результате 1-го раздела Польши (1772) были созданы две новые губернии — Могилевская и Псковская, при этом в екатерининском наказе генерал-майорам М. В. Каховскому и М. Н. Кречетникову значилось указание «включить часть наших провинций» в состав новых губерний (Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание 2. Т. 19. № 13807. С. 508).

² *Каменский А. Б.* Россия в XVIII столетии: Общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти. СПб.: Алетейя, 2017. С. 173.

расширения империи на Запад, то есть в сторону Европы, был настоящей ментальной проблемой.

Второй раунд присоединения польских территорий к Российской империи связан с правлением Александра I. В 1815 г. после победы над Наполеоном в состав Российской империи вошли польские земли, принадлежавшие с конца XVIII в. Пруссии, а затем образовавшие по решению Наполеона Герцогство Варшавское. Эти территории стали частью Российской империи в рамках совершенно иного политического статуса. Риторика присоединения не только не апеллировала категориями завоевания (как можно было бы ожидать по окончании войны), но, напротив, была развернута в сторону признания политической субъектности этих территорий. Именно такой формат был предложен Александром I во время Венского конгресса в 1814–1815 гг. После продолжительной дискуссии и не без серьезного нажима со стороны российского императора он был одобрен странами — участницами конгресса¹. Иными словами, российский император считал необходимым не просто выдвинуть идею особости польских территорий, их политической субъектности, но и оформить это как коллективное европейское решение.

Результатом стало создание на западной границе Российской империи такой необычной в политическом отношении структуры, как Царство Польское (в терминологии, имевшей хождение в Польше, — Королевство Польское). В 1815 г. император Александр I даровал этой территории конституцию. Административный аппарат в значительной мере остался прежним, официальными языками делопроизводства были польский и французский, конфессиональная политика не имела целью насаждение православия, а налоговые сборы не уходили в казну Российской империи.

Польские земли, вошедшие в состав Российской империи в екатерининские времена, не стали при этом частью Царства Польского. Это создавало сложный комплекс отношений между Александром I и поляками, поскольку император поддерживал существовавшие надежды на присоединение аннексированных

¹ Об этом, а также об исследовательской литературе в связи с действиями Александра I на Венском конгрессе см. главу 6.

Екатериной II территорий (по крайней мере Литвы) к Царству Польскому, но так и не решился реализовать данное обещание.

Политика императора Александра I в отношении Польши — его чрезвычайное расположение к полякам, стремление почти каждый год посещать свою польскую столицу¹ — вызывала у его российских подданных самые разные, часто резко негативные реакции. Причиной тому были как события двухсотлетней давности (участие Речи Посполитой в политическом кризисе Московского царства начала XVII в., включавшее в себя военную интервенцию и захват Смоленска и Москвы), формирование памяти о которых пришлось на начало XIX в., так и события недавнего прошлого. Для представителей российской — особенно военной — элиты активное участие поляков в походе на Россию в составе наполеоновских войск в 1812 г. было частью личной памяти. Однако с вхождением Царства Польского в состав империи упоминание о военных столкновениях между Россией и Польшей не только не приветствовалось властью, но и в значительной мере перешло в зону табуирования. Забывание недавнего противостояния двух стран при Бородино и Березине, с одной стороны, и попытка выстраивания концепции единства двух народов, с другой, стали новой политической стратегией правящей элиты.

Александр I, как уже упоминалось, включил в польскую Конституционную хартию 1815 г. параграф, предписывающий его наследнику на престоле короноваться в качестве польского короля². Не вполне понятно, намеревался ли сам Александр I возложить на себя польскую корону, однако известно, что по его приказу в архивах искали польские коронационные церемониалы, пытаясь параллельно узнать и о судьбе регалий, вывезенных прусской армией из Кракова. Во время Венского конгресса, а затем спустя почти десятилетие в 1824 г., не зная об уничтожении регалий, Александр I обращался к прусскому королю Фридриху-Вильгельму III с просьбой об их поиске³. Очевидно,

¹ *Филатова Н. М.* Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды. С. 64.

² Конституционная хартия Царства Польского. С. 530.

³ *Кашитанова О. С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 39.

что возможность коронации, по крайней мере в первые годы существования Царства, не исключали ни в Польше, ни в России. Так, в переписке А. А. Закревского и М. С. Воронцова 1816 г. обращает на себя внимание сообщение первого «под секретом», что император «к 15 сентября желает быть непременно в Варшаве, где намеревается, как говорят, короноваться». Информация сопровождалась в тексте письма ироничным комментарием — «Очень нужно!»¹

К моменту смерти Александра I особое положение Царства Польского определялось также присутствием в Варшаве великого князя Константина Павловича, постоянно жившего в столице Царства с середины 1810-х гг. Его отречение от престола, подписанное в 1822 г., не было опубликовано, и в глазах общества цесаревич был наследником престола. Формально Константин командовал польской армией, однако в действительности он был облечен в Польше самой широкой властью, распространявшейся не только на Царство, но вообще на польские земли Российской империи — Гродненскую, Виленскую, Минскую, Волынскую, Подольскую губернии и Белостокскую область². Популярный в Польше, но находившийся под сильным влиянием жены — польской аристократки и католички княгини Лович, великий князь Константин видел себя человеком, выступающим от лица поляков и призванным защищать интересы Польши перед Петербургом.

Александровское установление относительно коронования в Польше стало для Николая I настоящей дилеммой. Император был человеком консервативных взглядов и не поддерживал решение брата и предшественника на престоле даровать Польше особые права. Казалось бы, ожидаемой линией поведения в этой связи должен был стать отказ от предписанного императором Александром установления. Николай I, однако, избрал совершенно иную модель поведения: после долгих сомнений он принял решение о проведении коронации. При этом монарх

¹ Архив князя Воронцова: В 40 кн. Кн. 37. М., 1891. С. 271.

² Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова (1831 г.) // Русская старина. 1899. № 12. С. 526; Капитанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России: Диссертация. М., 2000. С. 118.

действовал вопреки собственным эмоциональным реакциям, главной из которых в связи с проведением церемонии он называл «отвращение»¹. Иными словами, император отделил собственные личностные оценки от того, что, как он полагал, было правильной политической стратегией.

Вопрос о том, что заставило Николая поступить подобным образом, — ключевой. Конечно, можно рассуждать о доктринерском характере монарха². Формируя собственное «я», император действительно использовал образ рыцаря и был склонен вести себя в рамках заданных норм. Показательно в этом отношении его поведение в период «междуцарствия». Николай I присягнул великому князю Константину, зная о существовании акта об отречении³, то есть действовал именно в соответствии с формальными установками. В момент разворачивания событий сам император осмыслял свои действия исключительно в категориях долга. 14 декабря 1825 г. в письме к сестре, великой княгине Марии Павловне, он именовал себя «жертвой воли Божией и двух своих братьев», восклицая: «Наш ангел (император Александр I. — *Прим. авт.*) должен быть доволен — воля его исполнена, как ни тяжела, как ни ужасна она для меня»⁴. По точному замечанию историка М. А. Полиевктова, Николай

¹ Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829) // Сборник РИО. СПб., 1910. Т. 131. С. 325.

² Ф. Ф. Вигель оставил точное определение этой стороны характера Николая: «Он... был весь преданный чувству долга своего; в исполнении его он был слишком строг к себе и к другим» (*Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Книжный Клуб Книголек, 2019. С. 519*). Примечателен разговор Николая I с Бенкендорфом, во время которого император заявил: «Никогда... никогда не уклонюсь я от принципов: с принципами нельзя вступать в сделку, я же не вступлю в сделку с моей честью» (*Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 291*).

³ В литературе приводится множество доводов, которые подтверждают, что в Николае Павловиче видели наследника (система воспитания, характер поездок за границу и по России, матримониальные планы в его отношении). Существует также множество указаний на то, что будущий император знал о существовании акта отречения Константина Павловича (*Полиевктов М. А. Николай I: Биография и обзор царствования. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. С. 41–44*).

⁴ Николай I: pro et contra. Антология / Сост. Т. В. Андреева, Л. В. Выскочков. СПб.: НОКО, 2011. С. 71.

счел возможным «не считаться» с документами, которые указывали на него как на наследника престола Российской империи¹. Николай следовал букве закона до буквоедства. Интересно, что в период «междоцарствия» в нелогичном поведении Николая упрекали и императрица-мать², и великий князь Михаил Павлович. Последний заявил Николаю: «Зачем ты все это делал, когда тебе известны были акты покойного государя и отречение цесаревича? Что теперь будет при повторной присяге в отмену прежней и как Бог поможет все это кончить?.. Как тут растолковать каждому в народе и в войске эти домашние сделки и почему сделалось так, а не иначе»³. Однако даже много лет спустя император был уверен, что альтернативы его решению не было⁴.

История с польской коронацией пошла по схожему сценарию — «мы исполнили наш долг — будь, что будет». Т. А. Капустина прямо пишет, что, «унаследовав от Александра I польскую конституцию, он (Николай I. — *Прим. авт.*) считал своим долгом ее соблюдать и не отступал от обязанностей конституционного монарха до разрыва с Польшей в 1831 г.»⁵.

В позиции императора также можно увидеть и политический расчет. Николай I принял решение короноваться в Варшаве вопреки собственным представлениям и установкам, согласно которым он уже давно был помазанником божьим⁶ и обладал

¹ *Полиевктов М. А.* Николай I: Биография и обзор царствования. С. 44.

² Николай I. Заметки на полях рукописи М. А. Корфа // *Междоцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи.* М.; Л., 1926. С. 39. О реакции императрицы Марии Федоровны и великого князя Михаила Павловича на принесение Николаем присяги Константину Павловичу см.: *Мироненко С. В.* Николай I // *Российские самодержцы (1801–1917 гг.).* М.: Международные отношения, 1994. С. 109, 111.

³ *Михаил Павлович, великий князь.* Воспоминания великого князя Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 года, записанные бароном М. А. Корфом // *Междоцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи.* М.; Л., 1926. С. 55.

⁴ Николай I. Заметки на полях рукописи М. А. Корфа. С. 39.

⁵ *Капустина Т. А.* Николай I // *Вопросы истории.* 1993. № 11–12. С. 42.

⁶ Таково и основное мнение исследователей этого вопроса. См.: *Капитанова О. С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41; *Фирсов С. Л.* Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету. С. 36–37.

властью над всей территорией империи, повинуюсь установке чтить память императора Александра, а также реализуя потребность избавиться от давления великого князя Константина Павловича и помешать возможным (хотя и не подтвержденным в полной мере) планам Австрии короновать герцога Рейхштадтского. Однако в этом случае мы сталкиваемся с тем, что можно назвать пределом прагматического объяснения, — действие по своему масштабу оказывается намного значительнее причин, которые его вызвали. Давление, которое испытывал и которому в конечном итоге уступил император, было связано не только с практиками легитимации или внешнеполитической ситуацией, ведь к концу 1820-х гг. Николай I уже преодолел кризис первых лет царствования и обретал все большую уверенность в своих действиях. Но все же он ощущал, что был в долгу, причем в долгу не только перед братьями. Он был должен полякам и Польше.

Главные причины, по которым Николай решил возложить на себя корону Царства Польского, очевидно, лежали в сфере скорее ментальной, нежели практической. Причины, заставившие императора действовать вопреки собственными представлениям, имели к существующей политической реальности лишь опосредованное отношение. В известном смысле император Николай стремился предписать реальности то, какой ей следует быть.

Варшава 1829 г. стала точкой, где доктринерские представления монарха и необходимость действовать в соответствии с духом и буквой александровских начал наложились на особое, выработанное русской политической элитой восприятие себя, Европы и Польши. Последняя в рамках этой парадигмы была маркирована как территория в широком смысле слова европейская. Даже утратившая государственность и уже находящаяся в составе Российской империи, она воспринималась как априори обладающая политической субъектностью. Следствием стало формирование установки, что отношения с этой частью империи надлежит выстраивать на совершенно особых основаниях.

Последнее подтверждается пропольской формой коронации, которая была реализована в Варшаве в 1829 г., и прямым отказом от распространения в Царстве трактовок и позиций, активно поощрявшихся на всей остальной территории империи. Речь идет о формировании памяти об Отечественной войне

1812 г. и Смуте начала XVII в. Используя слова самого императора из письма брату, можно сказать, что в период до начала восстания 1830–1831 гг. монарх изо всех сил и при этом вопреки личным представлениям и желаниям стремился быть «хорошим поляком»¹. Все это ставит многочисленные вопросы, причем не столько о Царстве Польском как таковом, сколько о выборе российской политической стратегии на западных границах страны, о политической элите империи первой трети XIX в. и о том, как выстривалась логика мирного сосуществования с недавним врагом после окончания большой, разрушительной и победоносной для России войны.

Эта книга не о Польше. Она о России.

* * *

Последнее обстоятельство требует от меня прояснить несколько позиций относительно исследовательской оптики и терминологического аппарата.

В первом случае речь идет прежде всего о критической оценке ряда историографических установок в связи с русско-польскими отношениями первой трети XIX столетия. К настоящему моменту в литературе сформирована устойчивая парадигма восприятия событий этого периода. Возникнув в рамках польской публичной сферы и интеллектуальной традиции, эта парадигма в большинстве своем разделяется современной российской и англо-американской историографией. Иными словами, анализ русско-польских отношений указанного периода зиждется — с тем или иным уровнем приверженности со стороны конкретного исследователя — на польской исторической интерпретации событий.

В рамках существующих конвенциональных установок можно отметить несколько ключевых позиций. Во-первых, политическая субъектность Польши рассматривается как существующая объективно, безотносительно потери государственности. Эта трактовка определила, в частности, широкую дискуссию о статусе польских земель в составе Российской империи. Оценки разнятся от

¹ Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша // Русская старина. 1900. Вып. 2 (февраль). С. 298–299.

указаний, что в это время Царство Польское обладало широкой автономией или было связано с Россией личной унией, до утверждений о политической независимости территории в период до восстания 1830–1831 гг.¹ В последнем случае главным аргументом является указание на решения Венского конгресса. При этом само Царство Польское традиционно определяется как территория, развивающаяся автономно в социальном, культурном и экономическом отношении, однако вынужденная в силу ряда обстоятельств взаимодействовать с Россией (как правило, отражая враждебные действия с ее стороны). Рассуждения подобного рода проистекают из представления о существовании в Царстве польской администрации и из оценки уровня культуры и образования в Польше как более высокого по отношению к России². В рамках этой интерпретации особое положение Царства считается естественным, само собой разумеющимся и не связывается с политическими решениями российских властей. Не имеет никакой связи с Российской империей и устоявшееся в польской и англо-американской историографии наименование, отсылающее к столетней истории российских польских земель, — «*Królestwo Kongresowe*» и «*Kongresówka*» (на польском) и «*Polish Congress Kingdom*» (на английском). На первый план здесь выдвигается идея коллегиального и, очевидно, не соотнесенного с Россией решения о новом статусе этих земель³.

¹ См., например: *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. I. СПб., 1909. С. 191–192; *Четвертков А. М.* Правовое положение западных национальных районов Российской империи в первой четверти XIX века: Диссертация. М., 1987; *Ващенко А. В.* Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.): Диссертация. М., 2000; *Капитанова О. С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 38; *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 46. См. также разбор исследовательских позиций в работе Б. В. Носова и Л. П. Марней (*Носов Б. В., Марней Л. П.* Региональная политика Российской империи в первой половине XIX в.: Царство Польское (1815–1830 гг.) // *Славянский альманах*. 2020. № 3–4. С. 86–87).

² См. об этом: *Роснер А.* Своя или не своя держава? Обладало ли Королевство Польское реальной независимостью // *Родина*. 1994. № 12. С. 47–49 (особенно с. 48).

³ См., например: *Nance A. B.* Literary and cultural images of a nation without a state. The case of 19th century Poland. New York: Peter Lang, 2008. P. 101–105.